

МЫ БОЯЛИСЬ ТО КГБ, ТО ЛИЛЮ БРИК

Игоря ИВАНДИКОВА

14 апреля исполнилось 70 лет со дня гибели Владимира Маяковского. О последних годах жизни поэта историки до сих пор ведут самые жаркие дискуссии. Уж очень много там неразгаданных и противоречивых событий, в том числе касающихся личной жизни Маяковского. Образ "американки" Элли Джонс иногда всплывал в мемуаристике 20-х – 30-х годов в связи с поездкой поэта в США. О том, что "американка" оказалась русской эмигранткой Елизаветой Петровной Сиберт, стало известно у нас лишь в 80-е годы, с началом перестройки. В 1991 году в Россию впервые приехала ее дочь Елена — навестить родину родителей: матери Елизаветы Сиберт и отца Владимира Маяковского. В 1993 году Елена Владимировна Маяковская (по американскому паспорту — Патрисия Томпсон) вновь посетила Москву, приняв участие в литературной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения поэта. И вот спустя семь лет, 10 апреля 2000 года, дочь Маяковского опять приехала в столицу из Нью-Йорка для участия в конференции в Институте мировой литературы.

Без клещей - 2000 - 15 апр. - 43

— Елена Владимировна, когда ваша мать Елизавета Сиберт покинула Россию?

— Сразу после революции. Вообще о маме существует много неверных сведений. Например, то, что она якобы американского происхождения. Ее предки приехали в Россию из Германии еще во времена Екатерины Великой. А родилась мама в местечке Давлеканово, близ Уфы. Ее родители Петр и Елена Сиберты были видными промышленниками, и когда в 1917 году их объявили врагами народа, вынужденно эмигрировали в Калифорнию.

— А почему в Америке она стала Элли Джонс?

— Эмигрировать семье Сибертов помог англичанин по имени Джордж Джонс. И для получения необходимых бумаг маме пришлось оформить с ним брачное соглашение. Естественно, они не жили вместе, но фамилию мама предпочла сохранить. В

то время мало кто знал ее как Елизавету Петровну, для всех она была Элли Джонс. И Маяковский называл ее Элли.

— Они познакомились случайно?

— Абсолютно. Встретились на какой-то вечеринке в Манхэттене в 1925 году. Разговорились. Маяковский был поражен тем, что мама в 21 год всерьез переводила Рильке с немецкого на русский. А она спрашивала его о поэзии, о стихосложении. В тот же вечер они отправились гулять по Бруклинскому мосту... Мама была настоящей интеллектуалкой, в совершенстве владела немецким, английским и французским языками, изучала мировую поэзию, много переводила. Думаю, она бросила Маяковскому интеллектуальный вызов — таких образованных женщин у него до этого знакомства не было.

(Окончание на 2-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Какие стихи Маяковского она любила больше всего?

— Мы с мамой очень любили “Облако в штанах”, часто читали его вслух и переводили на английский.

— Осенью 1925 года Маяковскому пришлось вернуться в Россию. Что было потом?

— Тогда, в Нью-Йорке, они дали друг другу слово никому не говорить о своих отношениях. В России ситуация была ужасная. В Америке еще хуже: русские эмигранты погибали чуть ли не ежедневно, и все от “несчастных случаев”. Маяковский очень хотел иметь ребенка. И когда они с мамой приходили в гости к Бурлюкам, жившим в Манхэттене, он всегда громко завидовал их дому, полному детей. В 1926 году в Нью-Йорке родилась я. А Элли и Владимир смогли увидеться только два с половиной года спустя в Ницце. В 1928 году Лидия Мальцева, известная оперная певица, знакомая мамы, сообщила Маяковскому, что мы во Франции. Он спочну добился визы и примчал-

ся к нам. Нам удалось провести вместе несколько дней. Мама говорила, что я даже научилась выговаривать “Володя”! Для них обоих это были очень тяжелые времена: жить в одной стране они не могли. Кстати, Маяковский хотел второго ребенка, а мама, естественно, отказывалась. О противозачаточных, извините, средствах тогда речи не было. Представляете любящих женщину и мужчину в ситуации, когда можно только целоваться! Потом мы с мамой уехали в Париж, и она прислала ему письмо, чтобы он к нам не приезжал. Конверт от этого письма потом, после его смерти, нашли у него в кабинете. А вот само письмо пропало.

— Больше они так и не виделись?

— Он хотел приехать в Америку, но ему не давали визу. Что-то там произошло. Мама считала, что одна из причин — Лилия Брик. Это была очень странная женщина. В 1928 году в Ницце Маяковский сам признался маме, что боится Брик и не хочет, чтобы она знала о ребенке. Но она

Елена ТОМПСОН-МАЯКОВСКАЯ:

МЫ БОЯЛИСЬ ТО КГБ, ТО ЛИЛЮ БРИК

Всего КМФ - 2000 - 15 стр. - 60

знала и после гибели папы убрала мое фото из его кабинета! Мне об этом в 1993 году сообщили работники музея Маяковского в Москве. Люди, знакомые с Лилей Брик, говорили, что она была добрая, щедрая. Но только не по отношению ко мне! Если бы Лилия Брик желала мне добра, она не скрывала бы от историков факт моего рождения. Недавно мне сообщили, что открыли архивы Брик, и скоро они будут опубликованы. Так вот, по некоторым сведениям, там обнаружили письма моей мамы к Маяковскому. Я с нетерпением жду, когда будут изучены подлинные документы, чтобы узнать правду об этой женщине! И, может быть, выяснится наконец, куда в свое время исчезла глава “Дочка” из биографической книги Кимрада о моем отце. Сейчас-то она уже переведена на русский язык и восстановлена. Кстати, отношения Маяковского с Татьяной Яковлевой тоже были довольно странными. Существует легенда об их любви — но после первого дня их знакомства Маяковский написал письмо Элли Джонс.

— В СССР так никто и не знал об Элли Джонс и ее дочери Елене Маяковской?

— Ни в коем случае! Мы все время хранили молчание, боялись то КГБ, то Лилю Брик. Отношения СССР и США были не лучшие. Никто из друзей ни в школе, ни в колледже не знал, что я — дочь Маяковского. И только после 1985 года, когда умерла мама, я решила опубликовать свои работы об отце с ее воспоминаниями. Перед смертью мама просила меня найти в России голубой шарф, который она подарила Маяковскому. Но мои поиски безуспешны. Видимо, здесь этот шарфик ни для кого не представлял ценности.

— Джордж Джонс когда-нибудь интересовался вашей судьбой?

— Когда он узнал, что мама родила ребенка, он стал всячески нам помогать и предложил маме стать его женой. И удочерить меня... Поначалу я очень сильно его обижала. Я ревновала маму ко всем, кто обращал на нее внима-

ние. Но Джордж был добрым, хорошим человеком. О романе мамы с Маяковским ему все было известно, и они вместе хранили молчание. Благодаря Джорджу, который стал мне отцом, я выучила английский. Он поддерживал меня во всех моих начинаниях. Я тяжело переживала его кончину, вынуждена была стать “американкой”, утратила чистый английский. Не говоря уже о том, что приходится все время извиняться за незнание русского языка.

— А в Америке Маяковский популярен?

— Нет, его творчество известно только самым высокообразованным людям: музыкантам, художникам, филологам. А вот во Франции его знают. Однажды мой сосед по лестничной клетке, известный драматург Даниэль Беснехард, большой поклонник Маяковского, узнав, что я его дочь, посвятил мне свою пьесу “Река Хадсон”, сделал меня ее героиней. Пьеса имела большой успех, вышла уйма положительных рецензий во Франции и Америке.

— Елена Владимировна, изменились ли, на ваш взгляд, Москва, Россия с 1993 года?

— Москва стала чище. В 1993 году это была старушка в тряпье, а теперь — старушка прилично приодетая... Можно написать целую историю российских страданий. Разве какая-нибудь другая страна столько пережила? Мир забыл о помощи России во Вторую мировую, и теперь она истекает кровью. Хочу высказать еще одно очень важное, по-моему, сообщение. России ни в коем случае нельзя менять систему образования. Я как профессор американского университета уверена: образование в России — лучшее в мире! Да, технологии здесь устаревшие, но головы-то самые интеллектуальные.

— Вы выбрали профессию социолога, а литературой заниматься не хотелось?

— Ну не могла же я начать писать стихи, имея такого отца! В детстве я ходила в художественную школу. Сначала мне казалось, что хочу быть адвокатом, потом — архитектором. Потом поняла: мне интересна профессия, связанная с

человеческими отношениями, с семьей. Я считаю себя феминисткой, хотя знаю, что в России это непопулярно. Но должны же мужчины когда-нибудь понять: nasledниками являются не только сыновья! Я готова прочесть лекцию на эту тему Путину, у которого две дочери... Поскольку моя профессия предполагает еще и знание генетики, скажу вам точно: во мне 23 хромосомы Маяковского, его гены! А еще, посмотрите, на моем лице есть морщинка между бровями — его характерная черта! Мне кажется, мы с ним дуем одинаково. Даже если он разлюбил маму (во что я не верю), он все равно любил меня.

— Вы действительно так чувствуете в себе гены предков?

— Знаете, меня ведь не случайно назвали Еленой. А в честь крестной, которая была урожденная Святополк-Мирская, и ее предками были Пушкины и Ганнибалы. Я вот думаю: может, использовать мои хромосомы для будущих поколений? Видите, я тоже в своем роде футурист!

— У нашего великого поэта есть внуки?

— Мой сын Роджер — адвокат по интеллектуальной собственности. А вот правнук Маяковского — еще совсем маленький мальчик. И зовут его Логан.

Беседовала
Татьяна ХОВРИНА

